

— В следующий раз, когда приду к тебе, второй старший брат, я обязательно буду ждать снаружи, пока ты не позволишь мне войти, — обиженно проговорила Цзи Сюэин, вид у нее был такой, будто ей нанесли страшную обиду.

Цю Хэн проигнорировал нахмурившегося Шэнь Цяньчжоу. То, как он совершенствуется — его личное дело, и учитывать мнение других он не намерен.

— Оказывается, младшая сестра совсем не считает, что виновата, зато считает виноватым меня. Ха! Если однажды ты споткнешься на ровном месте, это тоже будет моей виной?

Не только Шэнь Цяньчжоу и Цзи Сюэин застыли в изумлении, но и сам Цю Хэн поразился собственной язвительности. Оказывается, он умеет так ловко владеть языком. Его слова выставили Цзи Сюэин невоспитанной и назойливой, и на этот раз она была обижена по-настоящему.

— Второй старший брат, о чем ты говоришь? Я...

Она не успела договорить: Цю Хэн закатил глаза, словно насмехаясь над ее притворством, и лицо его помрачнело. Она замолчала, но Цю Хэн не закончил — правда, теперь он обратился к Шэнь Цяньчжоу:

— Старший брат, хорошо, что ты здесь. Избавь меня от необходимости отправлять талисман передачи сообщений: я уйду на практику и не вернусь до открытия Тайного царства Хуалин. В это время не ищите меня.

Цю Хэн не желал продолжать препирательства. Осадив всеобщую любимицу, он снова подозревал журавля, поглядывая на Шэнь Цяньчжоу, чтобы тот не вздумал мешать. Шэнь Цяньчжоу, еще не оправившийся от резкой перемены в характере брата, машинально спросил:

— Учитель сегодня возвращается, разве ты не попрощаешься с ним?

Цю Хэн замер, прикрыл глаза и ответил:

— Нет нужды. Я уже не ребенок, чтобы отчитываться о каждом своем шаге.

Ему в этом году исполнилось четырнадцать!

Журавль скрылся в белых облаках. Цзи Сюэин нахмурилась:

— Старший брат, мне кажется, второй старший брат сильно изменился. Неужели его...

— Нет, — оборвал ее Шэнь Цяньчжоу. — Я только что проверил: дух второго брата не изменился, его не было захвата тела.

— Тогда почему он вдруг стал... таким невыносимым?

— Второй брат действительно бывает невыносим.

Шэнь Цяньчжоу вспомнил, как его холодный и сдержанный в последние годы брат проявлял детскую вспыльчивость, и впервые нахмурился, глядя на Цзи Сюэин:

— Младшая сестра, как ты могла беспокоить его во время медитации?

Цзи Сюэин от этих слов охватило возмущение, смешанное со стыдом. Она не знала, что ответить, ведь она действительно помешала Цю Хэну. Ее безупречный образ не позволял ей разразиться бранью, иначе она бы сейчас потребовала объяснений, почему он не проявляет к ней прежней снисходительности. Ей оставалось лишь обиженно пробормотать:

— Я же не знала, что он практикуется. Если бы знала, разве стала бы мешать?

Шэнь Цяньчжоу заметил:

— Ты всегда предупреждаешь меня о визите, почему же с ним ведешь себя так бестактно?

— Я... я думала, что раз мы близки, то формальности ни к чему.

Знала бы она, что так выйдет, — не пошла бы к нему, потратила впустую Бегонию Бисинь, да еще и вызвала недовольство старшего брата. Но Шэнь Цяньчжоу эти слова задела:

— Значит, со мной мы не близки, раз ты каждый раз спрашиваешь разрешения войти?

Цзи Сюэин поспешно затрясла головой:

— Нет, я просто боюсь помешать твоей практике.

— Тогда почему ты не боишься помешать второму брату?

— ...

Цзи Сюэин про себя выругалась. Черт, как этот разговор снова вернулся к началу? Неужели он ждет, что она признается в намеренном желании помешать Цю Хэну? Спасите! Как ей теперь

поддерживать образ невинной и чистой девушки?

Ее нынешних навыков не хватило, чтобы придумать достойный ответ. К счастью, удача ей не изменила: не успела она растеряться, как оба услышали передачу звука. Цзи Сюэин с облегчением взяла Шэнь Цяньчжоу под руку и радостно воскликнула:

— Учитель вернулся! Старший брат, пойдем встретим его!

— Хорошо.

В конце концов, младшая сестра была ему дороже второго брата. Шэнь Цяньчжоу не стал развивать тему ее бестактности, лишь добавил:

— Когда второй брат вернется, обязательно извинись перед ним. Он очень усерден в практике, наверняка разозлился, что его прервали. Второй брат холоден снаружи, но добр внутри, он обязательно простит тебя.

— Я поняла, старший брат.

Цзи Сюэин ответила неохотно. Она не считала себя виноватой. Другие только рады были, когда она заглядывала к ним, и лишь Цю Хэн злился из-за ее визитов. Значит, виноват во всем Цю Хэн. С таким талантом разве можно потерять контроль над Ци из-за того, что медитацию прервали? Раздул из мухи слона!

*

Практикующие уровня Ци не могут летать на мечях, поэтому по территории секты Тайсюань приходилось передвигаться либо на журавлях, либо на летающих артефактах. Цю Хэн был беден, как церковная мышь, поэтому пользовался услугами журавлей.

Птица пролетала над пиком Цинъян.

— Эй, это был второй старший брат? Истинный Владыка возвращается, неужели брат так спешит его встретить?

— Вряд ли. Владыка не любит формальностей, он никогда не требует, чтобы ученики встречали его. Наверное, что-то случилось.

— Второй брат такой суровый. У него золотые глаза, прямо как у того зверя, что я видел однажды. Может, он вовсе не человек, а дух в облике человека?

— Не говори глупостей, он сын Истинного Владыки Цинъяна.

— Ну не знаю... из трех учеников я больше всего люблю добрую младшую сестру, потом старшего брата.

— Я тоже...

Обрывки разговоров доносились до Цю Хэна. Он бесстрастно мигал своими золотыми глазами, которые называли пугающими. На пике Цинъян он всегда был в тени, и его популярность не могла сравниться с Шэнь Цяньчжоу или Цзи Сюэин. А эти глаза, выдававшие примесь инородной крови, лишь добавляли ему недоброжелателей. Раньше Цю Хэн не обращал на это внимания — пусть болтают, что хотят. А теперь — тем более. Он скоро сбежит, к чему заботиться о пустяках?

Как только журавль покинул пределы пика Цинъян, Цю Хэн услышал голос Истинного Владыки Цинъяна:

— Я вернулся во Дворец Цинъян.

По обычаю, каждый раз, когда Владыка возвращался из поездок, трое его учеников должны были явиться во Дворец на вершине пика, чтобы поприветствовать учителя и отца.

В этот раз...

Цю Хэн подстегнул журавля. Он еще не решил, как вести себя с отцом. Одно воспоминание о том, как ради Цзи Сюэин отец отправил его, почти достигшего Золотого Ядра, в Тайное царство, заставив в спешке и без подготовки прорываться к новому уровню, что в итоге привело к гибели, наполняло его сердце горечью. Он стоял на пороге Громовой скорби, а отец не только не помог подготовиться, но и заставил рисковать жизнью ради другой. Использовать родного сына как ступеньку для чужого успеха... Цю Хэн хотел спросить: неужели Цзи Сюэин — его единственная любимая дочь, а он, Цю Хэн, был подобран на улице?

Хотя он понимал, что его гибель отчасти была вызвана его собственными слабостями, обида не утихала. Если бы не вмешательство отца, он мог бы пройти испытание в безопасности секты. Но в этом мире нет сослагательного наклонения. Это была предначертанная судьба.

Цю Хэн знал, что сейчас этого еще не произошло, и упрекать отца было бы странно. Но он уже не мог забыть то, что ждет его в будущем. Ощущая поток ветра, он подумал, что он ведь еще совсем молод — так пусть хоть раз позволит себе сбежать.